

Е. А. Орехова

СААМСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И КОЛОНИЗАЦИЯ МУРМАНСКОГО БЕРЕГА КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова началась в 1860 г. и привела к созданию здесь первых постоянных поселений (Ура-губа, Земляная, Вайда-губа, Княжуха). До начала колонизации Мурманский берег не был заселен, это была зона сезонных весенне-летних промыслов, на которые приходили как саамы из центральной части полуострова, так и промышленники из Поморья. В ходе колонизации между колонистами, пришлыми рыбопромышленниками и коренным населением края — саамами стали складываться новые отношения, изменившие хозяйственно-бытовой уклад всех обитателей Мурмана. Попытаемся выяснить, как колонизационный процесс отразился на положении и хозяйственной жизни коренного населения Кольского полуострова.

Первоначально колонизация рассматривалась властями как мера, способная благотворно повлиять на развитие края в целом и на жизнь коренного населения. В частности, архангельский губернатор Н. И. Арандаренко полагал «полезным для улучшения быта лопарей развить между ними хлебопашество» при помощи нескольких норвежских семейств, пожелавших переселиться в Кольский уезд¹. Пример норвежцев должен был способствовать не только развитию промыслов и сельского хозяйства, но и распространению среди лопарей оседлого образа жизни, а также «избавлению их от вечного рабства русских промышленников „монополистов“». Предполагалось, что поселенцы не стеснят лопарей, поскольку они намеревались поселиться в колониях Земляной и Вайда-губе, отдаленных от летних лопарских погостов².

С началом колонизации и в дальнейшем на Мурмане действовали нормы законодательства, как общероссийского, так и специального, касающегося колонизации, которые не учитывали специфику жизни коренного населения, что и стало причиной конфликта.

Колонисты должны были поселяться на свободных казенных землях, не находящихся в пользовании коренных жителей. Однако предварительное выяснение того, какие земли и угодья могут быть предоставлены новым поселенцам, проведено не было. Льготы для переселенцев Мурманского берега, утвержденные в Положении Комитета министров от 22.11.1868 г. (подтвержденные дважды — в 1876 и в 1890 гг.) позволили колонистам поселяться без предварительного отвода земель в любой части Мурмана (от мыса Св. Нос до границы с Норвегией) и занимать любое количество земли. Следует отметить, что на момент начала колонизации Мурмана среди чиновников как в Архангельске, так и в центральных министерствах, долгое время существовало представление о том, что на обширных пространствах Мурманского берега возможно земледелие, и в целях его развития необходимо позволить колонистам занимать любые площади. Это мнение стало меняться лишь после посещения Мурмана великим князем Алексеем Александровичем в 1870 г.³ Только в 1872 г. Архангельское губернское по крестьянским делам присутствие, учитывая местные географические и природные

условия, сочло, что такая свобода выбора может привести к захвату отдельными лицами «значительных и наиболее удобных пространств, тогда как таких мест вообще на этом берегу немного...». Тогда было решено «право отдельных домохозяев, относительно выбора участков земли под разработку ограничить решением сельского схода. В предупреждение же несправедливых и безосновательных отказов со стороны сходов предоставить мировому посреднику, в случае жалоб на неправильные действия сходов, разрешать эти дела по существу...»⁴.

Несмотря на это постановление, самовольные поселения и захват земель продолжались. Местные власти и лопарские сельские общества зачастую не могли этому противодействовать, поскольку формально действия колонистов не противоречили закону. Так, в январе 1891 г. Кольско-Лопарский волостной старшина доложил кольскому лесничему, что крестьяне-лопары Печенгского общества и погоста, «заявили, что они на отвод колонистам земельных участков согласие изъявить не могут, так как участки, заявленные колонистами, да и другие угодья, необходимы самим крестьянам-лопарям, для своих надобностей, которые могут встретиться в ближайшем будущем». В ответ на это лесничий сообщил, что по циркуляру «Временного отдела по земельному устройству государственных крестьян» можно «дозволить переселенцам и вообще колонистам Мурманского берега производить расчистки на казенных землях на тех же правах, как и государственным крестьянам. Следовательно, если лопари не доказали, что заявленные колонистами под расчистку участки находятся в их постоянном или периодическом пользовании до настоящего времени и ранее колонистов, на расчистку этих участков своих заявлений местному волостному старшине не подавали, то заявление лопарей о сих участках для надобности в будущем не имеет основания»⁵.

Также, согласно Положению о льготах переселенцам на Мурманский берег (от 14.05.1876 г. п. 8), колонисты получали право заниматься звериным и рыбным промыслами в тех землях и водах, которые, хотя формально и не входили в состав их поселений, но располагались неподалеку от колоний. При этом не было учтено, что право пользования угодьями, прежде всего семужьими тонями, издавна принадлежало саамским обществам. По общегосударственному закону право рыболовства имели все российские подданные, а морские воды даже в населенных местах не могли подлежать частному владению, и должны были оставаться в общем и свободном для всех пользовании, причем никому не запрещалось заниматься рыбными промыслами на Баренцевом и Белом морях. Это создавало основу для конфликтов между колонистами и саамами.

Обладая статусом государственных крестьян, лопари сохраняли и все предоставленные им в надел и находившиеся до 24 ноября 1866 г. в их пользовании земли и угодья⁶. Поскольку наделения крестьян землей в Архангельской губернии произведено не было, т. к. все земли, находящиеся в пользовании крестьян, считались казенными, даже если и были выкуплены, те же права сохранялись за крестьянами и на рыболовные угодья. При этом под угодьями общероссийское законодательство подразумевало землю, в то время как в Архангельской губернии воды и рыбные ловли по существу заменяли земельные угодья, рыболовство составляло главное, а не побочное занятие и производилось за сотни верст от мест постоянного проживания крестьян-промышленников. Закон, понимая под «угодьями» не рыбные ловли, а земельные угодья и в то же время предоставляя полное право заниматься промыслами всем переселяющимся на Мурман, способствовал тому, что лопари на вполне законных основаниях вытеснялись с традиционных мест промысла и лишались значительной части своих доходов.

Остроту конфликту придавал и специфический характер хозяйства саамов. Одним из основных источников дохода, обеспечивающих экономическое благосостояние лопарей,

было рыболовство и, прежде всего, промысел семги. Сдача в аренду семуужих тоней и сенокосов составляла одну из главных статей «бюджетов» саамских сельских обществ. Именно эти средства позволяли саамам уплачивать подати в казну. В отличие от колонистов, лопари никаких льгот не имели, и им приходилось платить все подати и нести казенные повинности (выкупные платежи, государственный поземельный налог, подесятинный сбор и пр.), в то время как колонисты от них были освобождены. Н. Н. Харузин отмечал: «Рыбная ловля, как главное занятие лопарей, оказывает огромное влияние на их жизнь. Если до сих пор лопари не стали оседлыми и продолжают по-прежнему свой полукочевой быт, то это объясняется главным образом их занятием рыбными промыслами, которые не позволяют им долго оставаться на одном и том же месте. Действительно, производя главным образом рыбную ловлю весной, летом и осенью, им приходится в погоне за добычей переходить огромные пространства своей земли для того, чтобы, пробыв на месте 2–3 месяца, снова идти на другое место, где в данное время года рыбный промысел может быть выгоднее»⁷. На это же обстоятельство указал и Комитет для помощи поморам Русского Севера, который признал, что: «1) главный источник своего существования лопари получают от рыбной ловли. 2) рыболовство по той степени культуры, на которой находятся теперь лопари и при страшной разбросанности рыболовных угодий, вынуждает лопаря вести кочевой образ жизни, и тем, безусловно, мешает прививке высшей культуры лопарям. 3) уровень благосостояния лопарей, в общем, при настоящих условиях должен понижаться, т. к. часть рыбных угодий постепенно переходит в пользование колонистов, а вместе с тем рыбные богатства, благодаря хищническим ловам самих лопарей уменьшаются»⁸.

Отторжение у лопарских обществ земель и угодий неизбежно вело к ухудшению их положения. Это понимали и местные власти, длительное время стремившиеся ограничить притязания колонистов на лопарские угодья. Пока колонии были приписаны к Кольско-Лопарской волости, где должностные лица избирались либо из лопарей, либо из их арендаторов, у местных жителей оставалась возможность контролировать пользование угодьями. С колонистами специально оговаривался запрет на ловлю рыбы даже в тех случаях, если река протекала «под окнами их домов», как это было в колониях Кольской губы⁹. Лопарские сельские общества могли отказывать колонистам в поселении. Так, в 1885 г. в ответ на запрос Кольского лесничего о возможности поселения в колонию Китовка колониста Э. Тойволо, Кольско-Лопарский старшина ответил отрицательно, заявив что «при поселении на законном основании он вытеснит лопарей с их угодий». В поселении Э. Тойволо было отказано и жителями других лопарских погостов — Мотовского и Сайда-губы. Главной причиной нежелания коренного населения жить с колонистом была все та же боязнь потерять свои угодья¹⁰.

Запрет на эксплуатацию угодий был главным условием приема колониста в лопарские общества. В 1895 г. финляндцу С. Вейсонену было разрешено поселиться в колонии Тюва-губа Териберского общества Кольско-Лопарской волости на правах колониста, «но без права ловить рыбу в реке этого названия и семгу в губе, без согласия лопарей»¹¹. Известный на Мурмане предприниматель Д. Шестранд, поселившийся в колонии Средняя губа, был утвержден колонистом при условии не заниматься промыслом на реке Средняя, в которой ловили рыбу лопари Кильдинского погоста¹². Подобные запреты действовали по всему Кольскому заливу.

Ограничения не касались только колонистов иностранного происхождения, приток которых власти стремились сократить с 1870-х гг. Запреты относились и к русским поселенцам. Еще в 1872 г. Кольско-Лопарское волостное правление в ответ на просьбу колонистов о совместном с лопарями пользовании Териберкой заявило, что «река Териберка

принадлежит крестьянам-лопарям здешней волости Кильдинского погоста»¹³. В 1873 г. кильдинские лопари также называются «главными владельцами р. Териберкой»¹⁴. В феврале 1881 г. Архангельский губернатор сообщил Кольскому исправнику о том, что крестьяне Грининского общества Кемского уезда обратились к нему с просьбой о разрешении переселиться на правах переселенцев Мурманского берега в местности по реке Варзино с тем, чтобы река была предоставлена в их пользование. При этом крестьяне заявляли, что рекой в настоящее время пользуются лопари, не имеющие на нее никаких прав. В ответ на это кольский исправник сообщил, что рекой Варзино издавна владеют крестьяне-лопары Семиостровского погоста. Средний ежегодный доход лопарей составлял до 1540 руб., приходившихся на 84 мужчины и 95 женщин. В таком случае «отнять вековые угодья у них — значит лишить их средств к платежу сборов и пропитанию. Если поселить шесть человек крестьян колонистов к самому устью реки, то они будут облавливать лопарские угодья, а затем совершенно отнимут их у лопарей». На основании этого ответа крестьянам в переселении было отказано¹⁵. Сходные ситуации возникали и при поселении других колонистов в лопарские общества¹⁶. Разрешение на поселение для русского колониста могло быть предоставлено только при условии невступления в угодья, составлявшие «оброчную статью» лопарей¹⁷.

Еще одним объектом споров были земельные угодья. Хотя земля на Мурмане, по признанию современников, особой ценности не имела, это относилось только к необработанной ее части. Участки земли, подвергшиеся расчистке и удобрению, использовались для огородничества и сенокоса и ценились достаточно высоко. Сенокосные угодья, так же как и семужьи тони, принадлежавшие лопарским обществам, обычно сдавались в аренду местными жителями и были еще одним источником дохода. Отношение властей к защите прав лопарей на эти земли не менялось. Обычно при поселении колонистов, действовало правило — не занимать уже расчищенные и используемые земли без согласия местных лопарей¹⁸. Однако в 1893 г. при рассмотрении вопроса о заселении губ Росляковой, Грязной, Средней и Ваенги Кольского залива архангельский губернатор считал, что «если в этих губах есть небольшие покосы по берегам, которыми владеют лопари... и при том лопари этими покосами сами не владеют, а отдают их разным лицам в аренду за небольшую плату, то было бы справедливым отдать эти покосы в надел желающим поселиться здесь оседло, тем более, что вновь поселившиеся должны будут составлять колонистов Кильдинского общества, а имеющиеся в этих губах семужьи тони следует оставить во владении лопарей»¹⁹.

В 1890-х гг. опасения властей вызывало то, что до 70 % населения колоний по Кольскому заливу составляли выходцы из Финляндии. Приток финнов пытались ограничить административными мерами, но безуспешно. В переписке губернских и местных властей по вопросу об образовании здесь новых колоний с 1890-х гг. стали появляться указания на то, что эта местность необходима «для поселения русских» и «для государственных целей»²⁰. Однако при существовавших ограничениях на пользование семужьими тонями и сенокосами русские колонисты поселяться в Кольской губе не спешили. Поэтому, поручив в 1889 г. чиновнику по крестьянским делам провести разграничение угодий, находящихся близ колоний, «так, чтобы не слишком стеснить лопарей», уже в 1890 г. губернские власти рекомендовали при производстве работ «не задаваться охранением во что бы то ни стало интересов одних лопарей, в ущерб колонистов, т. к. новыми колонистами могут быть только исключительно русские»²¹.

С ростом числа колоний и их населения стала изменяться и система административного управления. На Западном Мурмане в 1869 г. была образована Мурманско-Колонистская волость, где должностные лица выбирались из числа колонистов. Колонии

Восточного Мурмана первоначально были подведомственны старосте Воронежского лопарского сельского общества. Однако уже в 1883 г. Кольский исправник предложил мировому посреднику избирать старост из колонистов, т. к. «старостам из лопарей Воронежского погоста они не подчиняются»²².

По мере роста числа колоний увеличивался и поток взаимных жалоб. Мировым посредникам, а впоследствии чиновникам по крестьянским делам удавалось в определенной степени сдерживать наступление колонистов на лопарские угодья. Так, в 1872 г. мировой посредник предписал Кольско-Лопарскому волостному правлению командировать волостного писаря Иванова к Мурманскому старшине «для вразумления жителей колонии Териберки неправильно домогающихся завладеть лопарскими угодьями»²³. Однако со временем такие действия местных властей колонисты стали оспаривать в вышестоящих инстанциях. Так, в 1887 г. колонист Хипагин направил в Архангельское губернское по крестьянским делам присутствие жалобу на постановление чиновника по крестьянским делам Кольского уезда по вопросу о праве производства ловли семги в водах, находившихся до того времени в пользовании крестьян-лопарей. Когда Присутствие отказало ему в праве лова семги в реке Титовка, он обжаловал это решение в Сенате²⁴.

В 1897 г. колонисты колонии Рында обратились с жалобой на запрещение им лопарями Семиостровского погоста пользоваться промыслами рыбы и зверя на реке Рында. Попытка чиновника по крестьянским делам уладить дело миром успехом не увенчалась. Лопари не согласились равноправно пользоваться рекой с колонистами до тех пор, пока не окончится срок аренды реки, которая с 1895 г. на пять лет была отдана крестьянину Кольско-Лопарской волости Ловозерского погоста И. Н. Терентьеву за 160 руб. в год. С этой жалобы началась череда длительных разбирательств в различных ведомствах, которые отнюдь не способствовали разрешению конфликта.

Архангельское по крестьянским делам присутствие, в ведении которого находилось это дело, постановило, что колонисты имеют полное право на занятие рыбным промыслом в прибрежных водах Мурман так же, как и саамы. В циркуляре, направленном Кольскому уездному исправнику, было разъяснено, что лопари «не имеют никакого основания препятствовать переселенцам производить лов рыбы в помянутых реках и озерах, и должны пользоваться здесь рыбными ловлями совместно с колонистами, которые в свою очередь не могут отстранять и лопарей от рыболовства в реках и озерах, находящихся близ колоний». Не было никаких ограничений для колонистов и в промысловой деятельности в Баренцевом и Белом морях²⁵.

В 1899 г. поверенные от всех лопарских обществ обжаловали это решение в Сенате, указав, что владеют угодьями по закону о государственных крестьянах. Лопарские поверенные напомнили, что при установлении границы с Норвегией в 1826 г., российское правительство оговорило неприкосновенное пользование и владение пазрецкими лопарями семужьими тонями в губе Паз и Ровдиной, поскольку они были средством для уплаты повинностей и пропитания. Лишь пять лет спустя Сенат дал ответ, который не решил вопроса и своей неопределенностью содействовал еще большему обострению отношений между лопарями и колонистами. Сенатом было разъяснено право колонистов пользоваться семужьими тонями в морских губах по общему закону о свободе морских промыслов (указ Правительствующего Сената от 14.02.1904 г.). Таким образом, было подтверждено постановление Присутствия, и вопрос о праве лопарских сельских обществ и мурманских колонистов на пользование рыбными промыслами на Мурмане остался «открытым впредь до поземельного устройства крестьян Архангельской губернии»²⁶. После вынесения решения Сенатом колонисты сразу же воспользовались предо-

ставляемым им правом свободного промысла, совершенно игнорируя интересы лопарей, существовавший до этого порядок и традиции лова семги. Вслед за колонистами, основываясь на законе о свободе морских промыслов, претензии на семужьи тони по Кольской губе стали предъявлять и жители города Кола.

Впрочем, конфликты вокруг пользования угодьями не были присущи исключительно колонистам и лопарям, не меньшего накала они достигали и внутри самих колонистских обществ²⁷. Зачастую спор о праве пользования семужьими тонями или сенокосами происходил не между колонистами и лопарями, а между колонистами и арендаторами, которыми обычно были состоятельные жители Колы и села Канда-лакиши. Также нельзя утверждать, что взаимоотношения колонистов и лопарей сводились исключительно к тяжбам за угодья. Там, где эти вопросы были улажены, отношения были вполне добрососедскими и взаимовыгодными. Порой те и другие как представители местного населения — оседлого и кочевого — совместно выступали против пришлых промышленников для защиты своих интересов²⁸.

Саамы были и участниками колонизации. Один из пунктов Положения о льготах, предоставляемых переселенцам на Мурманский берег, относился непосредственно к коренным жителям края. Все указанные в Положении льготы, не исключая и выдачи денежных пособий, распространялись на кочующих лопарей, которые «изъявили бы желание принять оседлость на Мурманском берегу». Этот пункт действовал и в конце XIX в. Так, в 1896 г. крестьянину-лопарю Кольско-Лопарской волости П. Т. Дмитриеву было дано разъяснение — «принятие лопарями оседлости не может лишить их тех угодий и промыслов, которыми они пользовались ранее, ведя полукочевую жизнь»²⁹.

Первоначально предложение переселяться в колонии вызвало в лопарских погостах некоторое оживление. В апреле 1869 г. Кольский исправник направил в Кольско-Лопарское волостное правление именной список лопарей этой волости из 122 человек, изъявивших желание поселиться на Мурманском берегу. Желающие нашлись во всех северных лопарских погостах. Так, лопари Семиостровского и Воронежского погостов желали поселиться на реках Воронья и Варзино на Восточном Мурмане; Кильдинского погоста — в губах Кольского залива; Пазрецкого погоста — на р. Паз; Мотовского, Нявдемского и Печенгского погостов — в Печенгской губе и Мотовском заливе. 30 сентября 1869 г. именной список крестьян Кольско-Лопарской волости, поселившихся на Мурманском берегу, был утвержден. Однако уже 18 декабря 1869 г. кольский уездный исправник сообщил Кольско-Лопарскому волостному правлению: «Лопари Воронежского и Семиостровского погостов, зачисленные колонистами при р. Вороньей и р. Рынде, зимой вернулись с Мурманского берега в свои зимние погосты, так как на избранных ими местах леса нет, крайне неудобны для корма оленей, и просили исключить их из числа колонистов»³⁰.

Переселение в колонии для жителей лопарских погостов было осложнено и различными бюрократическими проволочками, поскольку, как и все государственные крестьяне, они должны были оформить большое количество документов (увольнительные и приемные приговоры и пр.). Несмотря на то, что власти неоднократно направляли в волостные правления требования «устранить все препятствия и стеснения в выдаче лопарям, желающим поселиться на Мурманском берегу, увольнительных приговоров», эти вопросы решались с большим трудом³¹. Так, переселению нескольких семей лопарей-фильманов³² Мотовского погоста в колонию Ура-губа в 1875 г. предшествовала многолетняя тяжба с участием двух волостных правлений (Кольско-Лопарского и Мурманско-Колонистского), мирового посредника (с 1874 г. — чиновника по крестьянским делам), Архангельской казенной палаты, Архангельского губернского по крестьянским делам

присутствия, сопровождавшаяся полицейским расследованием и завершившаяся личным вмешательством губернатора³³. Основной причиной, по которой и Кольско-Лопарское волостное правление, и сельские общества фактически саботировали прямые указания властей, было то, что покидавшие их члены исключались из оклада и несения натуральных повинностей, которые раскладывались на оставшихся³⁴.

Колонизация внесла значительные изменения в жизнь саамов, хотя далеко не те, на которые изначально рассчитывали власти. Массового перехода саамов к оседлой жизни не происходило. Хотя переселение саамов на Мурман и переход к оседлому образу жизни официально поддерживались властями, на деле развитию этого процесса препятствовала как специфика традиционного типа хозяйства, так и нежелание низшей администрации Кольско-Лопарской волости и сельских обществ терять налогоплательщиков, уходивших в колонии. На Мурманском берегу не появилось «лопарских колоний», в отличие от колоний «русских», «карельских», «норвежских» или «финских». Саамское население Кольского полуострова было слишком малочисленно, чтобы образовать самостоятельную национальную группу колонистов — «русские» лопари поселялись в «русских» колониях и растворялись в них. Фильманы и финские саамы, зачастую рассматривавшиеся как финны, также стремились селиться в колониях своих единоверцев-лютеран (норвежцев и финнов). Лопарские сельские общества понесли и существенные материальные потери. К началу XX в. лопари лишились угодий по всему Мурманскому берегу — на реках Большая и Малая Ура, Малая Лица, Эйна, Териберка, Воронья, Рында, Харловка, Титовка и Печенга и, в конечном итоге, были оттеснены от тоней с реками по обеим сторонам Кольского залива. И все же не следует думать, что, поддерживая процесс колонизации и колонистов, власти подвергали дискриминации коренное саамское население. Напротив, губернские и местные чиновники стремились делать все возможное для того, чтобы колонисты не отстраняли лопарей от участия в промыслах. Однако отсутствие четкой законодательной базы, которая учитывала бы местные условия, неупорядоченные отношения казны с бывшим государственными крестьянами в Архангельской губернии неизбежно вели к конфликтам между пришлым и коренным населением края.

¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 115. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.

² Там же. Л. 22 об.—24 об.

³ Тихомиров В. Заботы о заселении Мурмана во второй половине нынешнего столетия. СПб., 1899. С. 4–5.

⁴ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. 52 И. Оп. 1. Д. 51. Л. 35.

⁵ ГАМО. Ф. 44 И. Оп. 1. Д. 26. Л. 31–32 об.

⁶ Экспедиция для научно-промысловых исследований у берегов Мурмана. Отчет о ее деятельности за 1902 год начальника экспедиции Л. Л. Брейтфуса. СПб., 1903. С. 137.

⁷ Харузин Н. Русские лопари (Очерк прошлого и современного быта). М., 1890. С. 116.

⁸ Жилинский А. Лопари и наше законодательство // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 20. С. 658.

⁹ ГАМО. Ф. 44 И. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–1 об.; Д. 145. Л. 1 об.; Д. 250. Л. 2–2 об.; Ф. 52 И. Оп. 1. Д. 186. Л. 178.

¹⁰ Там же. Ф. 52 И. Оп. 1. Д. 135. Л. 92–94; Д. 150. Л. 238.

¹¹ Там же. Ф. 44 И. Оп. 1. Д. 97. Л. 23–23 об.

¹² Там же. Д. 122. Л. 2.

¹³ Там же. Ф. 52 И. Оп. 1. Д. 51. Л. 29.

¹⁴ Там же. Л. 102.

¹⁵ Там же. Ф. 24 И. Оп. 1. Д. 72. Л. 2–7.

¹⁶ Там же. Ф. 21 И. Оп. 1. Д. 40. Л. 62–63.

- ¹⁷ Там же. Л. 77.
- ¹⁸ Там же. Ф. 44 И. Оп. 1. Д. 233. Л. 12–12 об., 18–18 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 77. Л. 1–1 об.
- ²⁰ Там же. Д. 250. Л. 8; Д. 96. Л. 1.
- ²¹ Мухин А. А. О Мурмане и Лапландии. Записка чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда А. А. Мухина. Архангельск, 1910. С. 41–42.
- ²² ГАМО. Ф. 52 И. Оп. 1. Д. 126. Л. 2.
- ²³ Мурманский областной краеведческий музей (МОКМ). MOM КП 16853/45.
- ²⁴ Мухин А. А. Указ. соч. С. 41.
- ²⁵ ГАМО. Ф. 27 И. Оп. 1. Д. 19. Л. 18–20.
- ²⁶ Жилинский А. Указ. соч. С. 662.
- ²⁷ Там же. Ф. 69 И. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–2 об; Ф. 31 И. Оп. 1. Д. 7.
- ²⁸ Там же. Ф. 52 И. Оп. 1. Д. 51. Л. 18, 20, 26.
- ²⁹ Там же. Д. 198. Л. 24.
- ³⁰ Там же. Д. 30. Л. 24, 43, 55.
- ³¹ Там же. Л. 12.
- ³² Фильманы — лопари лютеранского вероисповедания, выходцы из Норвегии.
- ³³ МОКМ. MOM КП 16853/29, 31, 45–51, 66.
- ³⁴ Там же. MOM КП 16853/31.